

вершено молебствіе по чину „объ обращеніи заблудшихъ“, послѣ чего были произнесены рѣчи митрополитами Флавіаномъ и Антоніемъ, архіепископомъ Антоніемъ вольскимъ, Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода Извольскимъ и привѣтствіе генераль-губернаторомъ края Сухомлиновымъ и ген. Жуковымъ отъ соединенныхъ монархическихъ партій г. Кіева. Изъ рѣчей особенное значеніе имѣли митр. Антонія и оберъ-прокурора Извольскаго. Первый призывалъ съѣздъ дѣйствовать въ духѣ христіанской любви и кротости, а второй далъ указаніе на то, что съѣздъ не долженъ посягать на изданный въ 1905 году законъ о свободѣ исповѣданій, такъ какъ воля Государя непреклонна.

Послѣ перерыва и разѣзда высокихъ гостей съѣзда предсѣдатель объявилъ, какія имъ организованы коммисіи и назначилъ предсѣдателями ихъ: противораскольнической—нижегородскаго еп. Назарія, единоувѣрческой еп. Тихона, викарія самарскаго, противосектантской—еп. Алексѣя чистопольскаго, противокатолической—еп. холмскаго Евлогія, организаціонной—еп. Михаила гродненскаго, по борьбѣ съ невѣріемъ и социализмомъ—еп. могилевскаго Стефана, издательской—еп. вологодскаго Никона и противомагометанской—еп. Андрея мамадыскаго. Такимъ образомъ съѣздъ былъ поставленъ въ полное руководство епископовъ. Свободному избранію подлежали лишь товарищи предсѣдателя коммисій и секретари ихъ. Даже товарищи предсѣдателя съѣзда и секретари его были избраны по предложенію высокопреосвященнаго Антонія, а именно: товарищами ректоръ кіевской академіи еп. Иннокентій и проф. Н. И. Ивановскій, главнымъ секретаремъ В. М. Скворцевъ, а его помощниками Яцкевичъ, Исполатовъ и Гурьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вѣнокъ на могилу заштатнаго священника Успенской, города Малоярославца, церкви Василія Михайловича Кременскаго.

13-го іюля 1908 года, рано утромъ, двѣнадцать ударовъ большого колокола Успенской церкви возвѣстили жителямъ г. Малоярославца о наступившей кончинѣ одного изъ старѣйшихъ служителей алтаря Христовой церкви въ Калужской епархіи, заштатнаго священника Малоярославецкой Успенской церкви о. Василія Михайловича Кременскаго. Усопшій скончался тихо и безмятежно, почти на ногахъ, отойдя въ лучший міръ на 76 году отъ рожденія.

Многолѣтняя жизнь, покойнаго представляетъ цѣлый рядъ тяжелыхъ трудовъ, многихъ скорбей и огорченій, которые воспитали въ умершемъ пастырѣ твердую, неподдѣльную вѣру въ Бога, покорность Его волѣ и вмѣстѣ съ этимъ сообщали душѣ усопшаго образъ незлобія и кротости, а также какой-то обаятельной, влекущей къ себѣ, простоты библейскихъ старцевъ.

Покойный о. Василій родился въ 1832 году въ гор.

Малоярославцѣ. Сынъ бѣднаго и многосемейнаго священника, почившій мало радостей и удовольствій видѣлъ въ своемъ раннемъ дѣтствѣ. Будучи 4-хъ лѣтъ, онъ лишился отца, оставшись вмѣстѣ съ братьями и сестрой на попеченіи своей крайне бѣдной матери. Жизнь у матери, которая по смерти мужа осталась сама раздѣтой и разутой, для почившаго о. Василія была очень тяжела; по личнымъ рассказамъ усопшаго, ему не всегда приходилось видѣть мясо, во время пребыванія у матери, даже въ первые дни пасхальныхъ и рождественскихъ праздниковъ, не говоря уже о другихъ праздникахъ, когда ихъ столъ очень часто ограничивался однимъ лишь молокомъ и чернымъ хлѣбомъ.

Мало радостей въ дѣтствѣ видѣлъ покойный, также мало выпало ихъ на долю о. Василія и въ періодъ его школьнаго образованія. Заботливая мать свела своего младшаго сына въ Боровскъ, гдѣ въ то время было духовное училище. Поступивъ, какъ сирота, на казенное содержаніе, о. Василій изъ Боровска перешелъ въ Калужское училище, а оттуда въ духовную семинарію. Вѣсмъ извѣстно, что научно-воспитательная организація тогдашнихъ духовно-учебныхъ заведеній чрезвычайно мало походила на ихъ современный строй: тогда именно, какъ никогда еще, можно было наглядно убѣдиться, что корень ученія крайне горекъ, лишь его плоды манили въ будущемъ какою то сладостью. Среди суровой спартанской обстановки пришлось провести дѣтство и юность о. Василію, любившему до самой смерти вспоминать время своего школьнаго образованія. Рассказывая о тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, среди которыхъ протекали дѣтство и юность покойнаго, послѣдній очень часто любилъ говорить о томъ, какъ по окончаніи учебныхъ занятій, одинъ, или вмѣстѣ съ товарищами, еле одѣтый и еле обутый, спѣшилъ онъ, безъ копѣйки въ карманѣ, на родину въ Малоярославецъ. Еще во время обученія въ духовномъ училищѣ неумолимая смерть отняла у покойнаго мать. Оставшись круглымъ сиротою, о. Василій имѣлъ пріютъ въ каникулярное время у своего дяди, соборнаго священника г. Малоярославца.

Среди многихъ матеріальныхъ лишеній и частныхъ недостатковъ, своимъ усердіемъ и терпѣніемъ, а также благодаря личнымъ природнымъ дарованіямъ, о. Василій побѣдилъ тогдашнюю суровую школу. Окончивъ въ 1854 году курсъ семинарскихъ наукъ по первому разряду, почившій въ томъ же году поступилъ на должность учителя въ с. Башмаковку, Малоярославецкаго уѣзда. Вступивъ на путь самостоятельной жизни, о. Василій не прельщался прелестями этого міра, да и не могъ прельститься, потому что покойнаго, видѣвшаго на каждомъ шагу горе и нужду, въ это время къ себѣ манила тихая монашеская жизнь. По собственнымъ рассказамъ усопшаго о. Василія, въ теченіе всей его четырехлѣтней учительской дѣятельности, наибольшее наслажденіе доставляло ему посѣщеніе монастырскаго богослуженія, для чего почившій спѣшилъ

обыкновенно въ городъ, окончивъ наканунѣ праздни-ковъ классныя занятія въ школѣ. Идешь—разсказы-валъ онъ—полями или лѣсомъ, весною слушаешь щебетанье и пѣніе птицъ; зимою любуешься снѣжнымъ покровомъ заснувшей природы, а если застанеть доро-гою темный вечеръ, или глухая ночь, запоешь для утѣшенія и ободренія 90-й псаломъ. Лишь постоянныя и настойчивыя убѣжденія дяди покойнаго заставили его отрѣшиться отъ мысли идти въ монастырь и выбрать путь священства.

Не радости и розы, а терніе и шипы готовилъ по-чившему суровый и трудный подвигъ священства.

Въ октябрѣ 1859 года архіепископомъ Григоріемъ II скончавшейся о. Василій былъ рукоположенъ во священника къ церкви с. Буринова, Тарусскаго уѣзда. Тихо и скромно потекла жизнь почившаго въ Буриновскомъ приходѣ. Отправляя богослуженіе и удовлетворяя духовныя нужды прихожанъ, молодой священникъ въ свободное время неуклонно заботился о просвѣщеніи своей паствы свѣтомъ евангельскаго ученія. Устроивъ въ сво-емъ домѣ, по собственной инициативѣ, церковно-при-ходскую школу, о. Василій сталъ обучать крестьян-скихъ мальчиковъ и дѣвочекъ начальной грамотѣ и главнымъ основамъ религіозно-нравственной жизни. Во всеоружіи вѣры, кротости и любви усопшій о. Ва-силій явился въ Буриново и этими качествами скоро привлекъ къ себѣ сердца буриновскихъ прихожанъ, такъ что, когда онъ переходилъ по собственному про-шенію къ соборной церкви г. Малоарославца, съ печалью и грустью провожали прихожане своего люби-мага пастыря.

Съ переходомъ въ Малоарославецъ (1863 г.), по-койный о. Василій, наряду съ богослужебными обязан-ностями, продолжалъ свои учительскіе труды въ сферѣ преподаванія Закона Божія. Спустя годъ съ лишнимъ, послѣ прибытія въ Малоарославецъ, о. Василій былъ назначенъ законоучителемъ III батареи 17 артиллерій-ской бригады, исполняя обязанности законоучителя до 1874 года, когда означенная батарея была переведена въ Калугу. Въ 1873 и 74 г.г. мы видимъ покойнаго законоучителемъ въ воскресной школѣ при фабрикѣ бр. Рябушинскихъ, а съ половины 1879 г. по апрѣль 1892 г. о. Василій преподавалъ Законъ Божій въ муж-скомъ и женскомъ приходскихъ училищахъ. Необходимо сказать нѣсколько словъ о характерѣ преподаванія Закона Божія почившимъ. Получивъ образованіе въ школѣ стариннаго покроя, въ такой школѣ, которая, исходя, очевидно, изъ того соображенія, что лучше книги сказать нельзя и весь заданный „отселъ и до-селъ“ учебный матеріалъ заставляла заучивать наизусть, покойный о. Василій никогда не придерживался въ своей учебной дѣятельности такихъ старинныхъ традицій: онъ никогда не предоставлялъ своихъ учени-ковъ на произволъ сухой книгѣ. Изложивъ въ простой и ясной формѣ то или иное библейское событіе, о. Ва-силій заставлялъ учениковъ повторить нѣсколько разъ

разсказанное въ классѣ и этимъ дѣлалъ книгу совер-шенно ненужною дома. Кромѣ того, интересуясь до самой смерти, между прочимъ, преподаваніемъ Закона Божія въ школахъ, покойный неразъ въ бесѣдахъ съ священниками—законоучителями высказывался за пре-подаваніе указаннаго предмета не въ формѣ заучи-ванья лишь однихъ фактовъ, а за указаніе наряду съ этимъ и внутренней стороны, нравственнаго значенія извѣстнаго библейскаго событія.

Кромѣ законоучительства, во время своего служенія въ Малоарославцѣ, о. Василій исполнялъ разныя по-рученія и занималъ другія должности: такъ онъ со-стоялъ сѣвѣшателемъ въ присутственныхъ мѣстахъ г. Малоарославца и былъ членомъ благочинническаго совѣта; съ 1866—1892 г.г. покойный приводилъ къ присягѣ во временныхъ сессіяхъ окружнаго суда, въ сѣздѣ мировыхъ судей, а съ 1863—1892 г.г. при-водилъ къ присягѣ рекрутовъ. Имѣя разныя занятія, усопшій о. Василій не забывалъ никогда своихъ пря-мыхъ обязанностей и съ особеннымъ рвеніемъ и усер-діемъ проходилъ пастырское служеніе.

Когда въ 1872 году благочиннической сѣздъ вы-биралъ окружнаго духовника, то единодушный выборъ палъ на о. Василія, который былъ оставленъ на этой должности и по выходѣ за штатъ, разрѣшая грѣхи сво-имъ собратьямъ въ теченіе 36 лѣтъ.

Неоднократныя одобренія епархіальнаго начальства, а также архипастырскія и синодальныя благословенія, вмѣстѣ съ наградами, которыя имѣлъ покойный, кон-чая наперснымъ крестомъ, говорятъ, что церковная власть какъ центральная, такъ и мѣстная время отъ времени отмѣчала заслуги о. Василія. Но необходимо замѣтить, что усопшій никогда самъ не искалъ наградъ и отличій: даже на личныя предложенія епархіаль-ныхъ епископовъ о той или иной наградѣ, онъ отка-зывался, находя ихъ лишними. Тотъ же отказъ слѣ-довалъ съ его стороны и свѣтскимъ лицамъ, изъявляв-шимъ свою готовность ходатайствовать предъ епархі-альнымъ начальствомъ о какомъ либо знакѣ отличія за заслуги по военному или гражданскому вѣдомству.

Такое смиреніе и полное отсутствіе тщеславія, очень рѣдкое въ нашъ вѣкъ преклоненія предъ чинами и орленами, краснорѣчиво говорить о томъ, что усопшій о. Василій проходилъ свое высокое пастырское служе-ніе не ради внѣшнихъ почестей и временныхъ ми-шурныхъ отличій, а ради самой пастырской идеи, ради той идеи, которой онъ посвятилъ свои жизненные силы и за служеніе которой обѣщана вѣчная награда на небесахъ.

Въ 1881 году о. Василій оставляетъ соборный храмъ и переходитъ на должность настоятеля Малоарославецкой Успенской церкви, по просьбѣ ея прихожанъ. На рубежѣ служенія въ Успенскомъ храмѣ, о. Василія постигло первое значительное несчастіе, во время служенія по-койнаго въ священномъ санѣ. Въ ночное время, въ жаркую лѣтнюю пору, въ Малоарославцѣ случился

большой пожаръ, который уничтожилъ собственный домъ и почти все имущество почившаго. Устроившись сначала на квартирѣ, а затѣмъ въ новомъ собственномъ домѣ, о. Василій съ новой энергіей и неутомимостью принялся за дѣла пастырскаго служенія. Въ 1891 году новая скорбь постигла покойнаго: отъ сильной простуды, или отъ непосильныхъ трудовъ (мнѣніе докторовъ-специалистовъ) у него значительно ослабло зрѣніе. Для лѣченія явилась настоятельная нужда отправиться въ Москву и лечь въ глазную клинику. Болѣзнь потребовала продолжительнаго лѣченія и значительныхъ матеріальныхъ затратъ, что разстроило экономическую сторону жизни почившаго. Вышедши изъ клиники, о. Василій снова отправился къ своей паствѣ, при которой и находился до выхода за штатъ по собственному прошенію въ 1901 году, когда у покойнаго уже безповоротно ослабло зрѣніе.

По выходѣ за штатъ покойнаго о. Василія, въ его біографіи слѣдуютъ самыя мрачныя, самыя безотрадныя страницы. Это было для него время, когда лишившись зрѣнія, онъ лишился того дара, благодаря которому мы приобретаемъ, по общепринятому мнѣнію, девять десятыхъ всѣхъ знаній о внѣшнемъ мірѣ. Казалось было бы довольно одного этого для испытанія 70-лѣтняго старца, но жизнь готовила ему новыя скорби и огорченія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

11-Я СТРАНИЦА ¹⁾.

Провозгласилъ о. діаконъ три оглашенія имѣющимъ вступить въ бракъ: отставному старшему унтеръ-офицеру Павлу Иванову Продувному съ дочерью крестьянина Марою Игнатьевой Нуждиной; пренятствій, конечно, никто не заявилъ, а всѣ были рады, что Мароуша судьбу свою чрезъ сколько лѣтъ находить.

Въ воскресенье вечеромъ свадьба, а меня нѣтъ—нѣтъ да и возьметъ сомнѣніе: а ну-ка въ билетъ—„женатъ?“ Но сомнѣніямъ моимъ въ то время суждено было неожиданно прекратиться. Передъ самой свадьбой, чуть-ли не за 10 минутъ,—ужь мы всѣмъ причтомъ въ церковь собрались,—вбѣгаетъ Павелъ радостный такой.

— „Вотъ, батюшка, пожалуйста! Вы сомнѣваться изволили. Сейчас только привезли мнѣ его со станціи“. А самъ мнѣ билетъ отпускной подаетъ. Я въ волненіи скорѣе на „семейное положеніе: холостъ“. Слава Богу! Перелистовалъ на скорую руку—(уже колокольчики свадебные слышаться стали)—отпускную книжку,—чистенькая, надписей нѣтъ никакихъ и вполне спокойный обручилъ потомъ и повѣнчалъ Павла и Мароу. Билетъ передалъ дьякону, чтобы въ обыскъ внести.

Проводили мы съ крестомъ и пѣніемъ новобрачныхъ, поздравили, все какъ слѣдуетъ..., свадьба была

по крестьянскому быту, можно сказать, роскошная. И стали жить въ любви и согласіи Павелъ съ Марою. Весну и покосное время молодой провела въ селѣ, а осенью, слышу, въ Москву отправилась.

Ужъ послѣ долгаго времени мнѣ на умъ пришло: по какому же документу Павелъ для проживанія въ Москвѣ паспортъ выправилъ, а въ то время я и забылъ совсѣмъ, что билетъ его объ отставкѣ все время у насъ въ ризницѣ хранился.

Къ слѣдующей пасхѣ Павелъ изъ Москвы съ хорошимъ заработкомъ пріѣхалъ. Онъ не десятникомъ, а уже старостой на фабрику ходилъ. Округленность стала прикрывать суконный сюртукъ на англійскій фасонъ, изъ подъ котораго видѣлись брюки на выпускъ, въ карманѣ жилета лежали золотыя часы съ такой же цѣпочкой. Купцомъ Московскимъ совсѣмъ выглядѣлъ. Мароуша тоже пополнила, глаза стали опять блестящими, пленка сошла съ нихъ. Встрѣла она мужа съ 6-ти недѣльнымъ сыномъ на рукахъ. На эту пасху и дальнѣйшія причту у Продувныхъ готовилась обильная трапеза съ московскими винами и закусками. Односельчанъ фабричный староста тоже всѣхъ угощаль водкой, не скупясь.

Прошло послѣ свадьбы 4 года. Продувновы все становились зажиточнѣе и зажиточнѣе, двѣ новыхъ связи поставили подъ желѣзной крышей; нижнія части оконныхъ рамъ франтовито блестяли синими, красными и желтыми стеклышками; на окнахъ появились цвѣты, за которыми любила ухаживать Мароуша. Вообще чуть ли не первымъ домомъ Продувновскій въ селѣ сталъ. При „поновленіи“ давно служившаго старичка—церковнаго старосты, прихожане мои на Продувнаго коситься стали, тѣмъ болѣе, что онъ хоругви металлическія, евангеліе на престольное и полное облаченіе пожертвовалъ. И я отъ выбора въ ктитора Павла Иванова не прочь былъ, но духу не хватало старичка, прежняго старосту, огорчить. И слава Богу, что не выбрали: еще большій скандалъ въ послѣдствіи былъ бы.

Лѣтъ 5, или даже больше, благоденствовали Продувновы. Вдругъ, въ одно прекрасное время подкатываютъ къ моему крыльцу двѣ повозки; на одной судебный слѣдователь съ становымъ, на другой, въ дрожкахъ, урядникъ съ письмоводителемъ становаго. Я ротъ отъ удивленія разинулъ; думаю зачѣмъ они? мертвого тѣла нѣтъ, про преступленія какія-нибудь тоже не слышно, что же имъ нужно?

Дѣло не замедлило разъясниться. Слѣдователь, порворный такой былъ, энергичный, быстро такъ изъ тарантаса выскочилъ и—ко мнѣ на крыльцо. Наскоро поздоровавшись говорить:

— „Навѣрное, батюшка, не ожидали такого нашествія?“

— „Вѣрно“, говорю.

— „Что же подѣлаешь, служба наша такая. Я прямо къ дѣлу: вы, вѣдь, повѣнчали Павла Ив. Продувнова?“

¹⁾ Продолж. См. Церк.-Общ. Вѣстн. № 27.

такъ прямо, злобу и ненависть,—въ это именно время Господь являетъ свое могущество и силу.—„Видите, видите, яко Азъ есмь Богъ“. Но наши безбожники, въ большинствѣ своемъ интеллигенція, въ рукахъ у коихъ ключи знанія, взирая очами—не видятъ и имѣя уши—не слышатъ и сердцемъ не разумѣютъ и не обратятся. Жалкое, горестное состояніе! А все мнутъся, затѣваютъ возмущенія, учиняютъ грабежи и убійства цѣною собственной жизни добиваются получить хотя бы крупную частіа. Жалкіе люди! безъ вѣры въ Бога вы не получите счастья, вы не будете обладать имъ. Счастіе имѣютъ люди простые сердцемъ, вѣрующіе въ Господа—Творца и искупителя. А вы, отвергнушіеся Бога, если желаете получить счастье, оставьте гордость свою и невѣріе и идите въ святые обители и храмы и научитесь молиться и просить такъ, какъ просятъ наши крестьяне—сермяжники,—научитесь у нихъ вы, мянціе себя учителями жизни, посмотрите на эти строгія лица, на шепчущія св. молитвы уста и проникните мысленнымъ окомъ въ ихъ душу, если можете, и вы увидите, что именно въ молитвѣ—бесѣдѣ съ Богомъ, лицомъ къ лицу, и замѣчается, какъ „смирняется души тревога, расходятся морщины на челѣ, и въ небесахъ такой вѣрующій видитъ Бога и проситъ Его и получаетъ просимое. Вотъ и раба Божія Дарія просила исцѣленія и получила, искала у Бога и нашла счастье свое. Это дивное чѣдо да послужитъ вѣрующимъ къ большому укрѣпленію ихъ вѣры, а невѣрующихъ должно побудить тщательно осмотрѣться вокругъ и поразмыслить, почему подобныя чудеса не совершаются на нихъ, а бывають только съ людьми вѣрующими въ Бога. Воистину дивенъ Богъ во святыхъ своихъ. Но чѣмъ мы воздадимъ Ему за все то, что подаетъ Онъ намъ? Настоящее описаніе чудеснаго исцѣленія является долгомъ каждаго вѣрующаго: повѣдать дѣла Божія во всеуслышаніе всѣмъ, какъ благъ Господь и какъ велики милости всѣмъ взыскающимъ Его! А посему воздадимъ славу и благодареніе въ Троицѣ славимому Богу—Отцу и Сыну и Святому Духу и благодарно помянемъ ия славнаго нашего заступника и помощника Преподобнаго Тихона Калужскаго Чудотворца. 21 мая 1908 года. Обитель Преп. Тихона. Все описанное здѣсь о моемъ чудесномъ исцѣленіи по милости Божіей сущая истина, что утверждаю своею подлинною. Дарія Селищева. Послушница Александра Радина. Свидѣтели сего чудеснаго исцѣленія послушницы Дарія Селищевой, духовникъ исцѣленной іеромонахъ Пименъ. Монахъ Ириней Ткачевъ. Монахъ Іеронимъ Шульгинъ. Потомственный почетный гражданинъ Василій Николаевичъ Лепешкинъ. Сего исцѣленія я личный свидѣтель—фельдшеръ Калужской Тихоновой пустыни Федотъ Гавриловичъ Лядичевъ. Все вышеописанное здѣсь справедливо. И самъ я личный свидѣтель сего чудеснаго исцѣленія: настоятель Калужскій Тихоновой пустыни архимандритъ Лаврентій.

Вѣнокъ на могилу заштатнаго священника Успенской, города Малоярославца, церкви Василія Михайловича Кременскаго 1).

Выходъ заштатъ совершился хотя и по собственному прошенію покойнаго, но подъ давленіемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, которыя были для него крайне горестными и неприятными. Когда о. Василій оставлялъ служеніе, покойному оставалось дослужить какихъ либо 6—7 мѣсяцевъ до новаго пенсіоннаго устава по духовному вѣдомству, который, какъ извѣстно, увеличивалъ размѣръ пенсій духовенству. Этотъ недослуженный срокъ позлекъ за собою то, что за 42-лѣтнюю ревностную и безпорочную службу алтарю Христовой церкви

о. Василію была назначена пенсія въ прежнемъ незначительномъ окладѣ. Вслѣдъ за этимъ надъ головою покойнаго старца разразилось новое горе, которое онъ, какъ любящій родитель, не могъ не принять близко къ сердцу; вскорѣ послѣ выхода за штатъ, совершенно неожиданно во двѣтъ лѣтъ у о. Василія умираетъ сынъ, московскій священникъ, земная надежда и опора ушедшаго заштатъ старца. Тяжела была эта потеря для любящаго сердца покойнаго: она до послѣднихъ дней оставила въ немъ печать затаенной грусти и скорби. Вскорѣ послѣ этого онъ совершенно лишился зрѣнія, и для о. Василія настала постоянная темнота.

Не смотря на все указанныя испытанія и огорченія, которыя одно за другимъ преслѣдовали почившаго, не смотря на все это, у него не сложился мрачный, безпросвѣтный взглядъ на жизнь, совершенно чуждый истинному христіанину. Когда въ 1903 году почитатели о. Василія, прихожане Успенской церкви, съ разрѣшенія епарх. нач., чествовали покойнаго поднесеніемъ ему при адресѣ иконы Христа Спасителя, о. Василій въ отвѣтной рѣчи своей бывшей частвѣ, между прочимъ, говорилъ: „Возлюбленные братія! жизнь моя была исполнена скорбей, огорченій, золь и гоненій. Будучи отрокомъ, я лишился отца и матери, но имѣлъ, гдѣ главу приклонить; на закатѣ дней своихъ я подвергся новому несчастію: слѣпота есть величайшее несчастіе, заслуживающее соболѣзнованія, сочувствія и состраданія. Я не предавался въ скорби своей унынію, помня слова писанія: „многими скорбями подабаеть внити въ царствіе Божіе“. (Дѣян. XIV, 22). Ап. Павелъ пишетъ о себѣ и о другихъ апостолахъ, что относится и къ намъ—пастырямъ церкви: „до нынѣшняго часа и алчемъ и жаждемъ, наготуемъ и страждемъ, труждающимся, дѣлающе своими руками; укоряемъ—благословляемъ; гонимъ—терпимъ; хулимъ—утѣшаемся, яко отребѣ быхомъ міру всѣмъ поспраніе доселѣ“. (I Кор IV, 11—13).

Что касается міросозерцанія почившаго, то по этому вопросу необходимо сказать слѣдующее. Выдвигая на первый планъ христіанской жизни любовь, какъ ее вознесу евангельскаго ученія, усвоившій о. Василій словомъ и дѣломъ старался проводить въ жизнь этотъ высочайшій нравственный идеалъ. Въ той же рѣчи покойный, между прочимъ, говорилъ: „любовь христіанская есть добродѣтель великая и высокая; имѣющіе эту добродѣтель и соблюдающіе эту заповѣдь о любви суть наследники небеснаго царствія, ибо весь христіанскій законъ заключается въ двухъ главныхъ заповѣдяхъ: 1) люби Бога больше всего и 2) люби ближняго, какъ самаго себя. Нужно знать христіанину,—говорилъ о. Василій,—что все вѣншіе подвиги: постъ, молитва, хожденіе въ церковь и другіе труды только ведутъ къ добродѣтели; это не плоды отъ духовнаго сѣмени, а только листья духовнаго дерева. Плоды же Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, въра, благодать, крѣпость, воздержаніе. И замѣтьте,—подчеркивалъ покойный,—что во главѣ всего стоитъ любовь. Кто при-

1) Продолж. См. Церк.-Общ. Вѣстн. № 28.

обрѣлъ любовь, тотъ приобрѣлъ Бога, „ибо Богъ есть любовь, и кто пребываетъ въ любви, тотъ въ Бога пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ“. (Ін. IV, 16). Бойтесь пустоты сердца безъ любви, безъ состраданія. *Любовь*, говоритъ писаніе, *покрываетъ множество грѣховъ*. Но любви ничто не замѣнить: ни молитва, ни богатство, ни жертвы, ни труды. И каждому изъ насъ надо крѣпко знать про себя, чтобы мы, *какъ избранные Божиіи*, всегда были облечены въ *милосердіе, благодать, смиренномудріе и долготерпѣніе, болѣе же всего въ любовь, которая есть совокупность совершенства* (Кол. III, 12, 14). Любовь,—продолжалъ почившій о. Василій,—безъ самоотверженія не бываетъ: чтобы показать на дѣлѣ любовь, отрекайся отъ самоугожденія; чего хочешь себѣ, того желай и ближнему. „*Какъ хотите, чтобы поступали съ вами люди, такъ поступайте и вы съ ними*“, изрекъ Господь (Мѣ. VII, 12). Необходимо приобретать эту добродѣтель, возгрѣвать, воспитывать ее и упражняться въ ней. *Душепотеченіе*, по словамъ покойнаго, *есть наука изъ наукъ и искусство изъ искусствъ*“.

Таково было міросозерцаніе усопшаго о. Василія; оно сложилось на изученіи евангелія и окрѣпло на алтарѣ Христовой церкви.

Изложенныя выше исходныя точки міросозерцанія покойнаго шли рука объ руку съ его практической жизнью. Считая основными мотивами христіанской жизни любовь къ Богу и ближнимъ и вытекающія изъ нея добродѣтели, почившій о. Василій старался воплощать ихъ на дѣлѣ и въ своей собственной жизни. Главной характерной чертой духовно нравственнаго облика покойнаго была растворенная смиреніемъ сердечная доброжелательность. Ни награды, ни почести, ни отячія по службѣ не только не ослабляли, но еще болѣе окрѣпляли усопшаго о. Василія въ подвигъ смиренія. Кротость и смиреніе постоянно слышались въ его словахъ, искрились въ его взорѣ и на каждомъ шагу ощущались въ дѣлахъ покойнаго. Его широкая любовь постоянно выражалась въ искреннемъ сочувствіи и состраданіи къ горестямъ и нуждамъ другихъ, а также сквозила въ снисходительномъ и великодушномъ взглядѣ на немощи и недостатки его сослуживцевъ или другихъ лицъ.

Переходя къ болѣе частной характеристикѣ о. Василія, прежде всего, нужно сказать, что какъ пастырь словеснаго стада, какъ слуга Христова алтаря, усопшій являлся аккуратнымъ и примѣрнымъ во всѣхъ отношеніяхъ совершителемъ божественныхъ службъ. Неопустительное, проникнутое искреннимъ чувствомъ и благоговѣніемъ, выразительное служеніе покойнаго, особенно чтеніе воскресныхъ евангелій и великаго канона постомъ, незримо передавалось молящимся и производило на нихъ сильное впечатлѣніе. Духовныя требы своихъ прихожанъ о. Василій имѣлъ обыкновение исправлять безъ всякаго промедленія, являясь всегда по первому приглашенію, онъ никогда не позво-

лялъ себѣ требовать отъ прихожанъ за свой трудъ болѣе предложеннаго; причемъ за все благодарилъ, многое дѣлая для бѣдныхъ совершенно безплатно и многимъ помогая изъ своихъ средствъ. На мѣстѣ своего послѣдняго служенія при Успенской церкви, въ приходѣ которой имѣются старообрядцы, о. Василій своею жизнію и служеніемъ заслужилъ любовь и со стороны послѣднихъ изъ которыхъ многіе были покойнымъ обращены, а уклонившіеся возвращены на лоно православной церкви. Церковныя поученія покойнаго были растворены любовью къ пасомымъ и ревностію объ ихъ спасеніи. Правда, въ своихъ пастырскихъ бесѣдахъ о. Василій не отличался витіеватостію и многорѣчіемъ, но его бесѣды и наставленія были всегда кратки и назидательны, сердечны и убѣдительно, будучи для слушателей полезны многими краснорѣчивыхъ и многорѣчивыхъ бесѣдъ. А развѣ его образцово-добродѣтельная жизнь не была наглядно назидательнымъ поученіемъ для тѣхъ, которые знали покойнаго? Уважая іерея—старца, многіе, даже лица совершенно подчасъ ему незнакомые, издалека просили его молить. Таковой была личность усопшаго, какъ пастыря церкви.

Какъ просто человекъ, покойный о. Василій былъ также примѣромъ, достойнымъ полного подражанія. Кротость и незлобіе, смиреніе, доброжелательность и любовь къ людямъ—вотъ характерныя черты частной жизни почившаго. Его ласковое, кроткое, одинаковое со всѣми обращеніе, его всегдашняя доступность богатымъ и бѣднымъ, знатнымъ и простымъ неволью заставляли любить и уважать покойнаго о. Василія. Указанныя и другія подобныя черты характера усопшаго, какъ пастыря и человека, были отмѣчены въ рѣчахъ и адресѣ при поднесеніи покойному иконы. ¹⁾ А это важно въ томъ отношеніи, что никто, какъ прихожане, не могутъ лучше другихъ понять и оцѣнить своего пастыря, который живетъ и дѣйствуетъ среди своихъ прихожанъ.

Далѣе, нельзя пройти молчаніемъ и семейную жизнь покойнаго. Какъ глава семьи, почившій о. Василій былъ горячелюбивымъ отцомъ своихъ дѣтей, не только въ ихъ младенчествѣ, но и тогда, когда они уже достигли зрѣлаго возраста. Не только дѣти, но и внуки въ домѣ своего дѣдушки всегда находили самый радужный пріемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, благодаря искреннимъ о нихъ заботамъ покойнаго, не отличали его отъ родного отца. Никто никогда въ семьѣ, гдѣ жизнь укладывается въ болѣе непринужденныя рамки, не слышалъ отъ почившаго рѣзкаго слова. Привѣтливость и доброта—однимъ словомъ—красною нитью проходили чрезъ всю семейную жизнь усопшаго о. Василія.

Но всѣми охарактеризованными сторонами и вышеизложенными качествами всецѣло еще не исчерпывается глубокозападающій въ нѣдра души чрезвычайно привлекательный образъ покойнаго іерея; для полноты его

¹⁾ См. очеркъ Кал. еп. вѣд. 1903 г. стр. 227—236.

характеристики необходимо сказать о его дневном образѣ жизни и о всемъ другомъ, что по своему содержанию не можетъ входить ни въ пастырскую, ни въ общественную, ни въ семейную жизнь о. Василия.

Переходя къ описанію личной жизни покойнаго, прежде всего нужно замѣтить, что день у о. Василия начинался очень рано,—часа въ четыре; сначала этого требовали службы, а затѣмъ по выходѣ заштатъ сложившаяся привычка жила въ усоншемъ до самой смерти. Ранній день начинался продолжительной молитвой, которая имѣла также мѣсто и въ срединѣ дня; тоже самое было и вечеромъ при отходѣ въ постель. Когда о. Василий видѣлъ, что коса смерти уже занесена надъ нимъ и что силы его постепенно ослабѣваютъ, онъ, вмѣстѣ съ вечерними молитвами, сталъ ежедневно прочитывать и молитвы, положенныя на исходѣ души, желая быть постоянно наготовѣ для перехода въ тотъ міръ, откуда нѣтъ возврата.

Вставая очень рано, и уже будучи заштатомъ, покойный, всегда, когда позволяла погода и когда домашніе имѣли время его проводить къ богослуженію, сѣдѣлъ въ какую либо изъ малоюрославецкихъ церквей. Прихожане церквей соборной и Успенской долгое время будутъ помнить высокой пріятный старческий теноръ усоншаго о. Василия, становившагося всегда на клиросѣ. Готовясь отправиться въ вѣчность, почившій весьма часто приступалъ къ святымъ таинствамъ покаянія и причащенія.

Въ другое время дня скончавшійся о. Василий любилъ находиться на свѣжемъ воздухѣ, преимущественно въ своемъ саду, который былъ воздѣланъ руками покойнаго и которымъ онъ не переставалъ интересоваться до самой смерти. Обращаясь время отъ времени съ просьбой къ своимъ домашнимъ посадить гдѣ либо дерево, о. Василий прекрасно зналъ, что плодами посаженнаго ему дерева не придется воспользоваться.

Другимъ любимымъ мѣстомъ покойнаго было крытое крыльцо при его домѣ. На этомъ крыльцѣ о. Василий проводилъ время въ дождливую погоду; отсюда онъ слушалъ пѣніе птицъ, которыми онъ очень интересовался и которыхъ могъ свободно различать по ихъ голосамъ; здѣсь же онъ молился и часто отдыхалъ, положивъ подъ голову толстое ничѣмъ не покрытое полѣно дровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

11-Я СТРАНИЦА ¹⁾.

Что случилось съ Марѳушей,—невыразимо больно сказать. На другой день послѣ слѣдствія она стала въ полномъ смыслѣ слова старухой и пленочка на глазахъ дѣлала взглядъ ея уже не близорукимъ, а какимъ то вопросительно-дикимъ, что же это такое?—какъ будто спрашивали эти глаза. Отъ плохого конца ее спасъ

сынъ и одному Богу извѣстно, сколько было пролито слезъ на русую головку маленькаго Вани.

Не легко было и Павлу, совѣсть вступила въ свои права. На Марѳу онъ не могъ глазъ поднять и отъ нравственныхъ мукъ каждый день прибѣгалъ ко мнѣ съ покаяніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ во всѣхъ подробностяхъ свой гнусный замыселъ. Не имѣю права ему не вѣрить, что причиной его грѣха была его Марѳуша. Изъ-за ней, и только изъ-за ней, онъ рѣшился обмануть и обобрать Ядвигу Изъ-за невѣсты онъ заранѣе обдумалъ планъ дѣйствій, хотя поводъ къ сближенію подавала кокетливая полька. Назывался онъ у ней Петромъ Ооминымъ Зоринымъ. Однажды, при встрѣчѣ товарищъ назвалъ его Павломъ и Ядвига спросила, почему онъ такъ его называлъ; Продуновъ вывернулся, объяснивши, что и у русскихъ, какъ и у поляковъ, бываетъ по нѣскольку именъ, а для полного ея успокоенія и вѣрнѣйшаго обмана раздобылся тоже поддѣльнымъ увольнительнымъ свидѣтельствомъ на имя Петра Оомина Зорина, драгуна совѣтъ другого полка, расположеннаго въ Финляндіи; и онъ былъ увѣренъ, что вполне схоронилъ концы въ воду. Но, видно, Господь справедливъ и подѣломъ его наказалъ. Съ мѣсяцъ мучился Павелъ на порукахъ, на Марѳу такъ и не могъ глазъ поднять; наконецъ, онъ не выдержалъ и просилъ слѣдователя взять его съ поруки въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ и пробылъ около 9 мѣсяцевъ до судебного разбирательства его дѣла.

Надъ нами же, мной и причтомъ моимъ, судебное разбирательство началось гораздо раньше. Дня черезъ 2 послѣ того, какъ слѣдователь снялъ съ насъ показанія, ко мнѣ заявился благочинный.

— „Здравствуйте, о. Павелъ“, началъ онъ какимъ то слащавымъ тономъ, потирая руки, хотя было лѣто; „а я въ городѣ былъ, да думаю дай заѣду васъ навѣщу... да... что я слышалъ, навѣрное сплетни какія—нибудь... будто у васъ тутъ слѣдователь, становой были... на счетъ свадьбы какой-то справлялись“...

Мнѣ этотъ тонъ очень не понравился, я прямо спросилъ: „вы, о. благочинный, уполномочены отъ начальства слѣдствіе надо мною произвести?“ Онъ нѣсколько смутился; но быстро оправился и началъ уже безъ кошачьихъ ужимокъ:

— „Для производства слѣдствій у насъ есть духовный слѣдователь, но мнѣ какъ благочинному, сами знаете, пужно быть освѣдомлену о всемъ, что происходитъ у меня въ благочиніи. И ужъ вы меня извините, если въ правду былъ у васъ слѣдователь и допрашивалъ о какой то свадьбѣ, говорятъ, вашего Павла Иванова Продунова, то я долженъ быть въ курсѣ этого дѣла; я же обыски брачные свидѣтельствую и, такимъ образомъ, тоже этотъ бракъ на моей отвѣтственности. Войдите въ мое положеніе: если Владыка прямо получить донесеніе чрезъ свѣтскую власть... какой же я тогда благочинный.“

Грѣшный я человекъ. Захотѣлось мнѣ его по сер-

¹⁾ Оконч. Смол. Церк.-Общ. Вѣстн. № 28.

начальныхъ школъ. Ежегодное восполненіе кассѣ со стороны казны опредѣляется въ суммѣ 80—100 тыс. рублей.

Вѣнокъ на могилу заштатнаго священника Успенской, города Малоярославца, церкви Василя Михайловича Кременскаго ¹⁾.

Почившій о. Василій велъ строгую жизнь, особенно за послѣдніе годы. Постоянно принимая самую простую пищу, онъ всегда отказывался отъ болѣе изысканнаго блюда, которое ему предлагали домашніе. Будучи крайне скромнымъ въ пищѣ, о. Василій былъ таковымъ же и въ одеждѣ; никто никогда не видѣлъ усопшаго одѣтымъ въ щегольскія богатая рясы. Свою скромную жизнь усопшій желалъ завершить и скромною смертію: умирая, онъ завѣщалъ похоронить его, какъ можно проще.

Вопреки общему правилу психологія, что слѣпота подавляетъ и понижаетъ умственные способности человѣка, отошедшій въ вѣчность о. Василій до самой смерти сохранилъ ясное живое сознаніе и острую память. Проживъ 76 лѣтъ и обладая хорошею памятью, покойный до мельчайшихъ подробностей помнилъ событія 60—65 лѣтъ. Рассказывая бывшее съ жаромъ и юношескимъ воодушевленіемъ, ласковый и привѣтливый, о. Василій былъ незамѣнимымъ собесѣдникомъ для людей всякаго возраста, званія и пола. Лишенный зрѣнія старецъ, не смотря на многіе удары судьбы, до самой своей смерти не потерялъ интересъ къ жизненнымъ вопросамъ. Покойный много интересовался административно-общественною жизнью церкви, государства и родной епархіи въ частности. На старомъ отъ времени, какъ самъ хозяинъ, письменномъ столѣ о. Василя постоянно можно было встрѣтить текущіе номера церковныхъ вѣдомостей, Калужскаго церковно-общественнаго вѣстника и другихъ періодическихъ изданій, которые прочитывались почившему его домашними.

Интересуясь рѣшительно всѣмъ, что только доступно человѣку, о. Василій интересовался многими вопросами, связанными съ физикой, исторіей, географіей, литературой и даже математикой. Если случалось покойному видѣть человѣка, стоящаго выше его по образованію, о. Василій любилъ говорить и спрашивать объ исторіи и сущности алгебраическихъ вычисленій. Хорошо зная географію, онъ любилъ съ воодушевленіемъ говорить о мѣрахъ и цѣляхъ заселенія восточной и западной Сибири, а также много интересовался нравами, обычаями и религіозными вѣрованіями кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ. Съ молодыхъ лѣтъ любя исторію, покойный всегда любилъ бесѣдовать о переселеніи народовъ, о поселеніи славянскихъ племенъ по Дунаю и Днѣпру, а также объ образованіи разговорныхъ языковъ, на которыхъ обмѣнивается мыслями современное человечество. До самой смерти покойнаго о. Василя не переставалъ интересоваться міръ космическихъ явленій

(образованіе дождя, града, снѣга и пр.) и климатическая обстановка разныхъ поясовъ земнаго шара. Уже не видя, но чувствуя величіе природы и преклоняясь предъ могуществомъ сотворившаго ее Бога, усопшій устремлялъ иногда свой старческий, но пылкій умственный взоръ и въ сферы отдаленнаго мірового пространства. Послѣ всего этого казалось не было такой сферы, такой области человѣческаго знанія, которая была бы совершенно чужда отошедшему въ вѣчность о. Василю.

Такими штрихами должна изобразить маститаго старца самая безпристрастная и самая справедливая критика. Личность умершаго о. Василя, его жизнь, дѣла и слова, яркими выпуклыми и неблѣднѣющими образами, будутъ долгое время жить въ памяти тѣхъ лицъ, которыя знали усопшаго и имѣли къ нему такое или иное отношеніе. Долго будетъ стоять въ памяти каждаго изъ нихъ смиренный, ласковый и привѣтливый образъ усопшаго; не скоро забудется его кроткая, растворенная христіанскимъ упованіемъ рѣчь, и добрыя отеческія наставленія будутъ неумолкаемыми струнами звучать въ сердцахъ родственниковъ и знакомыхъ покойнаго при воспоминаніи о скончавшемся старцѣ.

Похороны о. Василя Михайловича Кременскаго происходили на третій день послѣ его кончины. Несмотря на жаркую іюльскую пору отъ гроба не было слышно хотя бы чуть замѣтнаго тлѣнія. Отдать послѣдній долгъ почившему собрались всѣ тѣ, которыхъ касалась его полезная дѣятельность, а также и тѣ, кто зналъ покойнаго, какъ душевнаго, добраго человѣка.

По кончинѣ, у гроба усопшаго, ежедневно совершались утромъ и вечеромъ панихиды причтами городскихъ церквей и прибывшимъ изъ уѣзда духовенствомъ, а также совершалось чтеніе св. Евангелія священниками и діаконами.

15-го іюля, въ 8^{1/2} ч. утра, состоялся выносъ тѣла покойнаго, которое было положено, согласно его волѣ, въ скромный черный гробъ безъ всякихъ украшеній. Собравшееся къ этому времени духовенство, совершивъ заукойную литію, подняло гробъ и вынесло изъ дома покойнаго при соупствіи креста, евангелія, иконъ, хоругвей и свѣчей. Хоромъ пѣвчихъ Успенской церкви исполнялъ ирмосы „Помощникъ и Покровитель“.

При совершеніи заукойной литургіи въ положенное время, протоіерей Малоярославцаго собора о. Никольскій сказалъ краткое надгробное слово; такое же слово было произнесено между литургіей и погребеніемъ пріѣхавшимъ на похороны священникомъ г. Козельска о. Покровскимъ. Въ указанныхъ словахъ была охарактеризована жизнь и дѣятельность покойнаго о. Василя.

Послѣ литургіи былъ совершенъ бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ рѣдко встрѣчающійся въ уѣздныхъ городахъ чинъ священническаго погребенія. Трогательною волною лилась богословско-философская поэзія Іоанна

¹⁾ Оконч. См. Церк.-Общ. Вѣстн. № 29.

Дамаскина. Не смотря на долгое служеніе, Успенскій храмъ все время былъ переполненъ молящимися, какъ въ дни большихъ праздниковъ. По окончаніи отпѣванія и прочтеніи разрѣшительной молитвы, началось прощаніе съ почившимъ родственниковъ и знакомыхъ разнаго возраста и пола.

Когда гробъ съ тѣломъ усопшаго о. Василия былъ вынесенъ и по заведенному обычаю былъ обнесенъ кругомъ церкви, похоронная процессія при заунывномъ перезвонѣ колоколовъ направилась къ городскому кладбищу, поминутно останавливаясь для совершенія краткихъ литій. Громадная толпа народа, которая слѣдовала при гробѣ о. Василия, вмѣстѣ съ хоругвями, иконами и духовенствомъ, издали давала впечатлѣніе крестнаго хода.

По прибытіи на кладбище, гробъ съ тѣломъ почившаго, послѣ новой краткой литіи, былъ опущенъ въ могилу, рядомъ съ его супругой, которая скончалась на 16 мѣсяцевъ раньше.

Обозрѣвая мысленнымъ взоромъ жизнь и труды, а также цѣлый рядъ огорченій и всякаго рода испытаній, которыя были постоянными и неизмѣнными спутниками жизни о. Василия, начиная съ его дѣтства и кончая глубокой старостью, невольно хочется сказать вслѣдъ отошедшему въ вѣчность старцу: „Иди, блаженная душа! въ горнія обители, уготованныя Творцомъ для кроткихъ и смиренныхъ сердцемъ, тамъ предъ престоломъ Начальника живота и смерти не забывая и насъ молитвами твоими!“

Студ. Унив. И. Б—въ.

Нѣчто о пастырскихъ собраніяхъ.

Опытъ показалъ, что наши пастырскія собранія плохо прививаются въ епархіи, замѣтно охлажденіе, почти полное равнодушіе среди духовенства къ сямъ послѣднимъ. Фактъ весьма прискорбный, но отсюда нельзя заключить о равнодушіи пастырей къ своему дѣлу. Можетъ-ли быть духовенство спокойно и равнодушно въ настоящее время, когда острые больные вопросы времени, безъ сомнѣнія, больнѣе всѣхъ прочихъ сословій коснулись служенія и быта православнаго священника?—Нѣтъ и нѣтъ; среди духовенства въ громадномъ большинствѣ его теперь замѣтна жажда дѣятельности, жажда одушевленія и упорядоченія того великаго дѣла, которое, къ сожалѣнію, уже много лѣтъ въ силу разныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ стало мертвой формой, суммой обрядовъ. Вѣдь извѣстно, что еще ранѣе разрѣшенія и установленія пастырскихъ собраній въ нашей епархіи возникли такъ называемые пастырскіе кружки тамъ, гдѣ ближайшіе руководители, о.о. благочинные, выходили изъ рамокъ своей чиновничьей дѣятельности и поощряли таковыя. Эти кружки по своему характеру и устройству были тѣже пастырскія собранія. А когда пастырскія собранія были, такъ

сказать, легализованы Св. Синодомъ, тогда духовенство повсемѣстно устремилось на эти собранія съ одушевленіемъ и жаждой обновленія своей дѣятельности. Образованъ былъ комитетъ по устройству пастырскихъ собраній, о.о. благочинные получили предписанія устроить окружныя и частныя собранія, округа были разбиты для удобства на кружки, намѣчены предсѣдатели собраній и пункты поцентральной, собранія начались и... почти закончились, не успѣвъ расцвѣсть и принести плоды.

Что же помѣшало ихъ развитію, процвѣтанію? По нашему разумѣнію, можетъ быть, и ошибочному, идея пастырскаго собранія мало, а по мѣстамъ и совсѣмъ не встрѣтила сочувствія со стороны о.о. благочинныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, усмотрѣли здѣсь ущербъ для своего авторитета, что-то вродѣ контроля надъ ихъ не всегда безупречной дѣятельностью,—къ тому же въ это время поднимался вопросъ о выборныхъ благочинныхъ, а многіе изъ нихъ боялись увлеченія политикой со стороны іереевъ; такъ было слышно даже, о случаѣ „предусмотрительнаго“ приглашенія полиціи на мѣсто собранія. Какъ бы тамъ не было, только „семейныя“ по идеѣ пастырскія собранія вдругъ получили казенную окраску нашихъ благочинническихъ сѣздовъ, съ неперемѣннымъ извѣщеніемъ и приглашеніемъ на собраніе о. благочиннаго. Стало ясно оскорбительное недовѣріе къ участникамъ собранія со стороны начальства. Идея собраній померкла, стали ихъ мало и даже совсѣмъ не созывать; кое-гдѣ еще собирались по настоянію желавшихъ быть „исправными по службѣ“ о.о. благочинныхъ; сѣзжались, говорили больше подъ диктовку власть имущихъ, иногда спорили слегка, „кстати“ рѣшали казенныя дѣла по округу, записывали „для памяти“ кое-что изъ разсужденій и—разсѣжались; естественно было притти къ одному выводу—пріурочить пастырскія собранія къ окружнымъ сѣздамъ, но на этихъ сѣздахъ за массой обычныхъ при этомъ дѣлъ на чисто пастырскія разсужденія не хватало времени; разочаровались пастыри въ пастырскихъ собраніяхъ; къ тому же замѣтно стало, что собранія эти не могутъ принести осязательныхъ результатовъ для участниковъ его, ибо предсѣдатели собраній, въ большинствѣ случаевъ о.о. благочинные, отказывались хлопотать о дальнѣйшемъ направленіи и жизненномъ укрѣпленіи выработанныхъ постановленій по неимѣнію на то права и указаній; поэтому результаты собраній такъ и оставались только „въ памяти“ участниковъ ихъ.

Кто же въ состояніи оживить пастырскія собранія, а чрезъ нихъ упорядочить и самую дѣятельность духовенства? Чего не хватаетъ нашимъ собраніямъ? Не хватаетъ *сильнаго* авторитета, не хватаетъ могущаго врачевать немощное и восполнять оскудѣвающее—не хватаетъ слова Пастыря пастырей. Къ нему обращены взоры смятенныхъ гоненіемъ времени пастырей; только онъ, только его слово можетъ поднять духъ и оживить дѣло служителей Христовыхъ. За примѣрами